

ДИСКУРС ВЛАСТИ В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «ПАЛИСАНДРИЯ»

А. В. Михалап

На первый взгляд кажется, что в романе С. Соколова «Палисандрия» излагается пародийная история советской власти, однако знатокам творчества В. Набокова очевиден тот факт, что псевдоисторические персонажи и псевдоистория, где перепутаны даты и исторические лица, всего лишь прикрытие. Основная же задача С. Соколова заключалась в том, чтобы избавиться от власти В. В. Набокова над своими произведениями. Все творчество писателя прошло под знаком Набокова. В «Палисандрии» он сводит с ним счеты, «мстит» за известное высказывание мэтра относительно романа «Школа для дураков»: «обаятельная, трагическая и трогательная книга». Повествование «Палисандрии» основано на имманентном воспроизведении набоковского дискурса. Сам способ художественного мышления С. Соколова имитирует и пародирует набоковский дискурс. Набоков принципиально аполитичен. Соколов в «Палисандрии» хоть и строит сюжет на политике, псевдоистории СССР, но его герои – политические куклы, марионетки в руках автора.

В романе «Палисандрия» четко просматриваются признаки жанрово-тематического влияния произведений Набокова. Так, например, главный герой у Набокова всегда наделен художественным сознанием. Он – demiurge, который творит свою собственную художественную реальность (например, Ганин, Лужин, Федор Годунов-Чердынцев, Гумберт Гумберт и др.). Все эти герои противостоят миру пошлости. У Соколова в «Палисандрии» главный герой – больной шизофренией графоман, пишущий псевдомемуары. Это явная пародия на набоковского главного героя.

В «Палисандрии» Соколов пародирует мемуары, воспоминания. Набоков часто использует тип повествования-воспоминания. Все художественные произведения Набокова тематически соотнесены с его феноменологической биографией «Другие берега». Сюжет «тотального воспоминания» [1] неоднократно разворачивается в его произведениях. «Палисандрия», как и «Лолита», написана в форме дневниковых записей. В романах Саши Соколова тема памяти тесно связана с игнорированием временных соотношений: память совершенно индивидуальна, субъективна, она дает возможность свести течение жизни к одновременности, то есть уничтожить зависимость от различных жизненных процессов с их причинно-следственными связями.

В поэтике романов Набокова всегда два мира: первый – это мир, созданный творческим вымыслом, он связан с вечностью. Второй – порожденный пошлым умыслом, это псевдомир, ложнопривлекательный и

псевдозначительный. Пошлость – это подмена жизни ее муляжом, который состоит из банальных стереотипов, общих идей и слов общего пользования. Саша Соколов абсурдизирует двоемирие через утрирование стилевой амбивалентности. Набокова всегда интересовало «сосуществование в глубинной структуре личности противоположных взаимоисключающих эмоциональных установок (например, любви и ненависти), одна из которых оказывается при этом вытесненной в область бессознательного и оказывает действие на осознаваемое данной личностью» [2]. Отсюда интерес к изображению героя с «раздвоением» сознания. Бесконечность метаморфоз (читай: «раздвоения»), которые становятся основным элементом создаваемой повествователем мифологии, обусловлена отсутствием линейного порядка.

В последней главе романа «Палисандрия» мы «случайно» узнаем тайну главного героя: «Отныне пусть ведают все: я – Палисандро, оригинальное и прелестное дитя человеческое, *homo sapiens* промежуточного звена, и я горжусь сим высоким званием» (Палисандр Александрович Дальберг оказался гермафродитом) [4, с.423]. Данный пример служит проявлением амбивалентности не только потому, что герой – двуполое существо, но и потому, что свою тайну он скрывал не только от нас и от окружающих его героев, но и сам пытался забыть. К тому же у Палисандра также случаются «приступы» раздвоения личности: «И вместе с самим Палисандром мы перестаем понимать, в какой из его инкарнаций все это случается. Кто он – осиротевший мальчик Средневековья, юноша Железного века или старик Переходной эпохи, взыскующий приюта в том замке, где он по меньшей мере однажды родился и вырос?» [4, с.416]. Отсюда и сложное нарративное устройство текста у Соколова, как и у Набокова, базирующееся на отождествлении/различении героя, рассказчика и автора.

Также следует отметить, что С. Соколов пародирует и копирует меморативные знаки (символы, эмблемы, шахматные формулы и др.), которыми изобилует проза В. Набокова. Эти биографические виньетки, возникшие из увлечений самого Набокова, часто встречаются у Соколова (например, бабочки, шахматы, нимфетки и др.).

Власть стиля Набокова над Соколовым очевидна. Набоков верил в сложную систему смыслов и значений, в тайный узор, лежащий по ту сторону жизни. Отсюда характерная стилевая ассоциативность, которая заключается в причудливости повествования, которое обретает вычурный характер: усложняется структура предложения, появляются длинные периоды, которые строятся по ассоциациям в разрез логики; рассказчик не может удержаться на одной теме и постоянно соскальзывает на побочные узоры, мысли свободно, без логических переходов, пере-

скакивают с одного объекта внимания на другой. Это существенно замедляет повествование и продлевает автору удовольствие от самого процесса письма. Например, пассаж о мокроступах из «Палисандрии» [4, с.55].

На основе ассоциаций может происходить обратный метонимический перенос, смешиваются слова, входящие в одну категорию, схожие по звучанию, а также омонимы и многозначные слова. На основе ассоциативных переносов возникают каламбуры: «она уже так подмочила себе и платью, и репутацию» [4, с.80]; «по улицам бежали взъерошенные быки, по небу – тучи» [4, с.443]; «ночь пришлась нам не впору – была коротка. Коротка, как ночная сорочка для легкого поведения» [4, с.142]; «в скупой, как мужская слеза, мебелировке» [4, с.129], – которые основаны на расщеплении полисемии, овеществлении метафоры. Это отсылает нас к Набокову, непревзойденному автору многочисленных каламбуров.

Саша Соколов, как и Набоков, «переводит» в новое жанрово-родовое измерение свою прозу. Поэтический субстрат набоковской прозы проявляется в обилии фонетических эффектов и значимости категории ритма, соколовской – в утрировании этого. Все приемы стихосложения, которые Набоков переносит в прозу, Соколов связывает с описанными психиатрами состояниями гипоманиакальных психозов при шизофрении. Напомним, что Соколов находился в психиатрической клинике и симулировал шизофрению, а значит, знал об этой болезни не понаслышке. При аутизме (один из симптомов шизофрении) связь с действительностью ослабляется, больной замыкается на себе, его речь становится эгоцентричной. Данный феномен в психиатрии получил название *атактического мышления*, признаки которого (на лингвистическом уровне) обнаруживают себя в эхоталии, детском словотворчестве и квазигаплогии. В литературоведении эти явления получили определение паронимической аттракции.

Предполагается, что звуковое подобие слов указывает на их семантическую близость либо деривативные отношения: «Оклеветан клеветрами» [4, с.13]; «окрыляя себя крылаткой» [4, с.21]; «фигуранток и суфразисток, институток и проститутток, заложников и наложников» [4, с.45]; «шутки и песни, шутихи и бенгальский огонь, конфетти и конфекты» [4, с.48] и др. Имитация атактических замыканий путем повторов раскрывает отношение автора-повествователя к Набокову: «невзрачный и какой-то почти что призрачный, но изнутри изукрашенный изразцами киоск» [4, с.195], «брожу элегичный, хожу элегантный» [4, с.325], «иезуитская казуистика» [4, с.359], «позор узурпаторам!» [4, с.371].

Примеры атактического замыкания присутствуют и в творчестве В. Набокова. Например, в его романе «Отчаяние» Герман является ка-

ламбуристом и анаграмматистом, что свидетельствует об аутистическом мышлении: «откуда томат в автомате, как из зубра сделать арбуз?» [3, с.407]. Слово «палка», обозначаемое которого значимо для хода действия, он декомпозирует на элементы «пал, лак, кал, лапа» [3, с.510].

Как у Набокова, так и у Соколова мы сталкиваемся с двуязычием и глоссолалиями (спонтанным появлением умения говорить на других языках). Для более полного понимания англоязычного творчества Набокова необходимо хорошо владеть русским языком, т.к. в английском тексте с помощью русского языка часто скрыты дополнительные смыслы. Так, например, в названии романа «Истинная жизнь Себастьяна Найта», фамилию героя следует читать как «тайна». В романах Саши Соколова множество примеров глоссолалии: «пофриштить» [4, с.67], «Фидель по сравнению с вами – ниньо, дитя» [4, с.203], «шале санаторного типа» [4, с.215], «воленс-ноленс» [4, с.305], «замок, или, если угодно, шато» [4, с.333] и др.

Таким образом, сильное влияние Набокова на стиль и мотивно-сюжетный комплекс романа Соколова столь демонстративно, что невольно возникает догадка о жажде избавления молодого художника от власти учителя через систему пародирования приемов мэтра. Не случайно, освободившись от Набокова, Соколов не издает больше ни одного романа.

Литература

1. Аверин Б. Гений тотального воспоминания: О прозе Набокова // Звезда. 1999. № 4. С. 158–163.
2. Интернет-адрес: http://www.relga.sfedu.ru/n21/cult21_2.htm
3. Набоков В. Отчаяние // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990.
4. Соколов С. Палисандрия. СПб., 2004.